

IV.

Трудно представить себѣ что-либо болѣе сложное, запутанное и странное, какъ взаимныя отношенія Россіи и ея союзниковъ въ эпоху семилѣтней войны. Коалиція, составившаяся противъ Фридриха, могла, повидимому, подавить его громаднымъ превосходствомъ своихъ матеріальныхъ силъ; но на сторонѣ прусскаго короля были два преимущества: несравненный военный геній и превосходнѣйшая въ мірѣ армія. Союзники могли рассчитывать на побѣду лишь въ случаѣ общаго дружнаго дѣйствія; всякая рознь, всякая отдѣльная инициатива могла окончиться для нихъ лишь самымъ печальнымъ образомъ.

При такомъ положеніи дѣлъ содѣйствіе Россіи приобрѣтало для Австріи и Франціи значеніе рѣшающее. Уже въ силу своего географическаго положенія и своей многочисленной арміи, Россія могла нанести Фридриху самые чувствительные удары. Она могла выручить своихъ союзниковъ въ случаѣ ихъ неудачи, атаковавъ Фридриха съ тылу; она могла нанести ему смертельный ударъ въ случаѣ успѣха ихъ оружія. Но спрашивается: могли ли рассчитывать союзники на энергическое и искреннее содѣйствіе Россіи, соотвѣтствовало ли положеніе дѣлъ при русскомъ дворѣ ихъ желаніямъ и видамъ?.... Что касается до самой императрицы, то на счетъ ея намѣреній и симпатій не могло существовать ни малѣйшаго сомнѣнія. Союзъ съ Австріею давно уже приобрѣлъ для Елизаветы значеніе политической догмы; симпатія къ Франціи и ея королю была ея всегдашней слабостью, а ея чисто женская ненависть къ королю прусскому не знала границъ. Но въ тогдашней Россіи далеко не все зависѣло отъ воли самодержавной императрицы, да и сама она была далеко не та, что прежде.

Прошло 17 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Елизавета явилась ночью въ казармы, воодушевила солдатъ своимъ видомъ и смѣлою рукою захватила корону. Она сохранила легкомысліе моло-

дости, но утратила ея пылкость. Охота къ труду, вкусъ къ серіознымъ занятіямъ, никогда не лежавшіе въ ея натурѣ, окончательно улетучились съ лѣтами. Вся ея жизнь проходила теперь въ борьбѣ съ двумя непримиримыми врагами: годами и болѣзью. Болѣе женщина нежели государыня, она была озабочена не столько дѣлами, сколько желаніемъ нравиться. „Она страшно боится потерять свою красоту, она употребляетъ всѣ средства для ея сохраненія, пишетъ французскій посолъ. На это занятіе тратитъ она безконечно много времени, она невидима и недоступна до тѣхъ поръ, пока ея туалетъ и прическа не заслужатъ полного одобренія ея дамъ и зеркала“.... Она дрожитъ въ тоже время за свое здоровье: то и дѣло собираетъ докторовъ, совѣтуется съ ними, но никогда не выполняетъ ихъ совѣтовъ. Неспособная ни къ какому усилію надъ собою, она предается вновь праздной и бездѣтельной жизни, а между тѣмъ именно эта жизнь усиливаетъ ея страданія, волнуется душу, раздражаетъ и безъ того уже разстроенные нервы. Она не спитъ по цѣлымъ ночамъ, судьба приготовленная ею самою несчастному Иоанну и его родителямъ, не даетъ ей покоя. Чтобы уйти отъ страшныхъ мыслей, она бросается въ вихрь наслажденій и развлеченій. Одно празднество слѣдуетъ за другимъ, съ жаромъ принимаетъ она участіе во всевозможныхъ потѣхахъ; но силы скоро измѣняются ей, тяжкіе приступы болѣзни заставляютъ бояться то за ея жизнь, то за ея разумокъ. Но вотъ болѣзнь ослабѣваетъ и Елизавета бросается въ другую крайность. По цѣлымъ днямъ и ночамъ лежитъ она, распростертая передъ образами; въ слезахъ, молитвѣ, постѣ ищетъ и не находитъ она себѣ облегченія. Она рѣдко показывается въ обществѣ, къ ней можно проникнуть лишь чрезъ посредство Воронцова и Ивана Шувалова. Оба эти лица такіе же рылые сторонники австро-французскаго союза, какъ и ихъ повелительница, но могутъ ли рассчитывать на нихъ безусловно представители союзныхъ державъ? Воронцовъ человѣкъ честный, но въ тоже время боязливый и осторожный; онъ не въ состояніи господствовать надъ Елизаветою, руководить ея волею. Шу-

валовъ—это настоящій образецъ на скоро цивилизованной русской знати. Онъ тщательно подражаетъ французамъ, выписываетъ изъ Парижа свою мебель и свои костюмы, но люди, близко знающіе этого русскаго Мецената, утверждаютъ, что его сердце далеко не такое французское, какъ его манеры, что не слѣдуетъ вѣрить условно его громкимъ увѣреніямъ въ преданности дѣлу союза.

Каково бы ни было впрочемъ настроеніе Елизаветы и ея приближенныхъ, оно парализуется прежде всего, такъ называемымъ, молодымъ дворомъ. Наслѣдникъ престола Петръ и его супруга, очаровательная и даровитая Екатерина, не живутъ между собою въ особенномъ ладу; но расходясь рѣшительно во всемъ, во вкусахъ, привычкахъ, взглядахъ, они преслѣдуютъ одно политическое направленіе: они друзья Пруссіи и Англіи, противники австро-французскаго союза. У Петра, человѣка по природѣ ограниченнаго, политика совпадаетъ вполне съ личнымъ чувствомъ. Онъ боготворитъ прусскаго короля, онъ рабски подражаетъ ему во всемъ; война съ его полубогомъ кажется ему самымъ страшнымъ преступленіемъ. Екатерина далека отъ увлеченія своего супруга, но уже одно положеніе ея при русскомъ дворѣ заставляетъ ее раздѣлять до извѣстной степени направленіе Петра. Елизавета не любить Екатерину отъ самаго появленія ея при дворѣ. Она боится ея красоты, ея ума, ея неукротимой, страстной энергіи, ея пламеннаго честолюбія. Нѣсколько разъ она собирается удалить отъ двора опасную соперницу, но обычная слабость, а еще болѣе любовь къ маленькому Павлу, сыну Екатерины, мѣшаетъ ей выполнить свое намѣреніе. Она довольствуется одними мелочными преслѣдованіями, отказываетъ молодому двору въ деньгахъ, но не можетъ помѣшать великой княгинѣ усиливать съ каждымъ днемъ свою партію, открыто смѣяться надъ ея властью, занимать, если не по праву, то на дѣлѣ первое мѣсто при дворѣ.

Помимо самой великой княгини, три лица играли выдающуюся роль при молодомъ дворѣ: извѣстный уже намъ англійскій посолъ Вилліамсъ,

молодой польскій графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій и канцлеръ Бестужевъ. Понятовскій не имѣлъ самъ по себѣ особаго значенія, но онъ пользовался личнымъ расположеніемъ Екатерины. Молодой, красивый, съ чисто французскими изящными манерами, пропитанный современными философскими идеями, онъ сводилъ съ ума всѣхъ женщинъ. Понятовскій попалъ случайно въ Петербургъ, успѣлъ сойтись съ великою княгинею и по ея желанію назначенъ былъ представителемъ Рѣчи Посполитой при русскомъ дворѣ. Понятовскій не имѣлъ никакого самостоятельнаго понятія ни о политикѣ, ни о взаимныхъ отношеніяхъ великихъ державъ; понятно, что онъ долженъ былъ служить лишь орудіемъ другихъ лицъ. Такимъ лицомъ былъ прежде всего Вилліамсъ, старый другъ Понятовскаго; отъ него получалъ изящный польскій графъ свои инструкции и передавалъ ихъ потомъ въ элагантной формѣ Екатеринѣ. Само собою понятно, что канцлеръ Бестужевъ примкнулъ къ молодому двору не изъ однихъ эгоистичныхъ и мелочныхъ побужденій, какъ утверждали это его враги. Канцлеръ былъ всегда врагомъ Франціи, онъ совершенно не одобрялъ послѣдняго поворота русской политики. Не пользуясь искреннимъ расположеніемъ Елизаветы, убѣжденный въ скоромъ окончаніи ея царствованія, онъ подобно другимъ спѣшилъ отвернуться отъ заходящаго свѣтила и заручиться благоволеніемъ будущихъ повелителей. Ко всему этому присоединилось еще вліяніе англійскаго золота. „Я работалъ долго, писалъ Вилліамсъ въ Лондонъ, чтобы склонить канцлера на сторону прусскаго короля. Въ началѣ онъ казался неумолимымъ, но по мѣрѣ того, какъ я увеличивалъ предлагаемую сумму, сопротивленіе его ослабѣвало. Наконецъ, онъ подаль мнѣ руку и сказалъ: съ этого часа я его другъ“.

И такъ, вотъ съ какими враждебными элементами приходилось бороться союзнымъ дворамъ въ Петербургѣ. Вся тяжесть борьбы лежала на этомъ разѣ на представителѣ Франціи, а между тѣмъ этотъ представитель далеко не соотвѣтствовалъ возложенной на него миссіи, нисколько не походилъ на своихъ ловкихъ предшественниковъ: Дугласа и де-ла-Шетарди. Маркизъ де-Л'Опиталь,

человѣкъ старый, искалъ прежде всего покоя и не имѣлъ ни малѣйшей способности къ интригѣ. Высоко образованный, одаренный необычайною наблюдательностью, онъ умѣлъ въ тоже время передавать свои наблюденія въ изящной и пикантной формѣ. Но отъ маркиза требовались не одни наблюденія, онъ долженъ былъ дѣйствовать, вліять и на Елизавету и на Екатерину, упрочить благорасположеніе первой, приобрести симпатіи второй, противоdѣйствовать интригамъ Бестужева и другихъ тайныхъ враговъ союзниковъ. Де-Л'Опиталь совершенно пренебрегъ всѣми этими задачами. Онъ изливалъ свою злобу на триумвиратъ Бестужева, Вилліамса и Понятовскаго, но не дѣлалъ ровно ничего для противоdѣйствія „этому трио, составленному изъ разбойника, дурака и фата“. Во всѣхъ придворныхъ интригахъ Л'Опиталь держалъ себя совершенно пассивно. Онъ довольствовался расположеніемъ императрицы, къ молодому же двору относился съ холодною вѣжливостью.

Вліяніе молодого двора и Бестужева сказалось прежде всего въ назначеніи главнокомандующаго дѣйствующей арміи. Выборъ палъ на Апраксина, пріятеля Бестужева. Негодованіе союзныхъ дворовъ не знало предѣловъ. Въ Парижѣ напали, наконецъ, на мысль, убѣдить Елизавету назначить на мѣсто Апраксина французскаго принца. Эта странная мысль пришла въ голову принцу Конти; себя самаго прочилъ онъ въ должностъ русскаго генералиссимуса. Людовикъ одобрялъ, повидимому, планъ Конти, оставалось убѣдить лишь самое Елизавету. Конти пустилъ для этой цѣли въ ходъ всѣ пружины своей тайной дипломатіи, наконецъ, ему удалось добиться желаннаго согласія императрицы. Елизавета поставила только одно условіе, она потребовала, чтобы Людовикъ одобрилъ официально назначеніе Конти; но король охладѣлъ уже въ это время окончательно къ своему прежнему любимцу. Онъ не высказывался прямо противъ назначенія Конти, но ни за что не соглашался выразить какое-либо одобреніе. Само собою понятно, что дѣло не состоялось. Конти разочаровался окончательно въ своихъ честолюбивыхъ планахъ, онъ сложилъ съ себя дальнѣйшее завѣдываніе тайною дипломатіею

и удались въ частную жизнь. Русская армія осталась подъ начальствомъ Апраксина.

Война въ Германіи была уже въ полномъ разгарѣ, когда русскія войска медленно начали придвигаться къ польской границѣ. Лѣтомъ 1757 г. Польша увидѣла въ своихъ предѣлахъ 80-ти тысячную русскую армію. Въмѣсто того, чтобы согласно договору съ союзниками спѣшить, какъ можно скорѣе, въ Пруссію, Апраксинъ, слѣдующимъ указаніямъ Бестужева, расположился въ Польшѣ на продолжительное время. Онъ началъ устраивать магазины на польской территоріи, размѣщать гарнизоны по польскимъ крѣпостямъ. Дисциплина его войскъ не была образцовая. Не одни только казаки и калмыки, но и регулярные полки хозяйничали въ Польшѣ, какъ въ завоеванной странѣ. Негодованіе польской патріотической партіи не знало предѣловъ. Съ своими жалобами и протестами она обратилась по обычаю къ французскому послу въ Варшавѣ. Повидимому, эти протесты не должны были имѣть никакихъ послѣдствій, повидимому, самыя элементарныя понятія о собственной выгодѣ и чести должны были побудить французскій дворъ отклонить ихъ отъ себя. Но Людовикъ имѣлъ самыя оригинальныя понятія и о своей чести, и объ интересахъ своего государства. Его министры доказывали ему, что необходимо имѣть въ виду лишь главную цѣль войны, униженіе Пруссіи, что надо избѣгать тщательно всякаго раздора съ Россіею, что за поляковъ можно лишь ходатайствовать передъ русскимъ дворомъ. Король выслушивалъ эти доводы своихъ министровъ, разрѣшалъ имъ писать въ такомъ духѣ къ французскимъ агентамъ въ Польшѣ, но въ тайнѣ посылалъ лично отъ себя этимъ же агентамъ инструкціи совершенно иного рода. Герцогъ Бролли, посолъ въ Варшавѣ, долженъ былъ во всѣхъ коллизіяхъ между русскими и поляками принимать сторону послѣднихъ. Результаты такого распоряженія не заставили ждать себя долго. Бролли, и безъ того уже ожесточенный врагъ Россіи, открыто сталъ во главѣ патріотической партіи. Онъ не довольствовался однимъ рѣзкимъ порицаніемъ образа дѣйствія русскихъ. Узнавъ, что Россія стоитъ за кандидатуру старшаго сына Августа III на польскій престолъ, онъ началъ возбуждать про-

тивъ нея магнатовъ и шляхту, началъ организовывать враждебную русскимъ конфедерацію. Французскій министръ де-Берни, ничего не знавшій о тайныхъ инструкціяхъ Бролли, предписывалъ ему воздержаться отъ подобнаго образа дѣйствія; тогда Бролли обратился къ королю, требуя, чтобы онъ или подтвердилъ свои тайныя инструкціи, или взялъ ихъ назадъ. Людовикъ попалъ въ курьезное положеніе, но онъ сумѣлъ выйти изъ него своимъ обычнымъ путемъ. Онъ не далъ никакого отвѣта ни министру ни послу, бросилъ всѣ дѣла и предался своимъ обычнымъ развлеченіямъ.

Война приняла между тѣмъ крайне неблагоприятный для союзниковъ оборотъ. Въ то время, какъ ихъ войска медленно надвигались со всѣхъ сторонъ на Пруссію, Фридрихъ, пользуясь превосходствомъ внутреннихъ линій, рѣшился истребить по частямъ своихъ враговъ. Прежде всего онъ бросился на французовъ. Встрѣча произошла при Росбахѣ. Никогда еще французы не терпѣли такого постыднаго пораженія, и Росбахъ, это имя, замѣчаетъ Вандаль, горестно отзывается во всѣхъ французскихъ сердцахъ, не смотря на всѣ послѣдующіе славные подвиги и несчастія. Въ этотъ день 50 тысячъ человекъ обратились въ бѣгство передъ 25 тыс., бросивъ все оружіе, пушки и знамена. Несчастіе соединилось съ позоромъ: Фридрихъ даже не преслѣдовалъ остатковъ французской арміи, такъ презрѣнно казались ему эти враги. „Любопытно, что тогдашнее французское общество, далекое отъ всякаго шовинизма и болѣзненнаго національнаго чувства,—отнеслось совершенно иначе къ Росбахской катастрофѣ, нежели Вандаль и его современники. Сочувствіе французскаго общества было скорѣе на сторонѣ гениальнаго прусскаго короля, нежели его ничтожныхъ враговъ. Парижане громко аплодировали побѣдамъ Фридриха, своихъ разбитыхъ солдатъ они встрѣчали свистками и насмѣшками. Г-ну Вандалю подобный фактъ кажется печальнымъ и унижительнымъ, но онъ забываетъ, что масса образованныхъ французовъ того времени жила совсѣмъ иными традиціями, нежели масса теперешняя. Никто въ тогдашней Франціи, за исключеніемъ одного двора, не считалъ Фридриха своимъ врагомъ; всѣ видѣли въ немъ наоборотъ стараго со-

юзника Франціи, всѣ знали его любовь, даже пристрастіе ко всему французскому. Союзъ съ Австріею и Россіею никоимъ образомъ не могъ быть популяренъ тогда во Франціи; никто не могъ забыть вѣковой борьбы съ Габсбургскимъ домомъ; всѣ сознавали, что именно эта борьба доставила Франціи и неуvidaемую славу и ея міровое положеніе. А Россія, чѣмъ казалась она тогда французамъ?—не болѣе какъ варварскою страной, вѣчною притѣснительницею поляковъ, этихъ вѣрныхъ друзей Франціи.

За пораженіемъ французовъ послѣдовало не менѣе страшное, хотя и не столь постыдное пораженіе австрійцевъ. При Лейтенѣ истреблена была вся армія фельдмаршала Дауна; пруссаки взяли громадное количество плѣнныхъ и всю артиллерию. Что же дѣлалъ въ это время Апраксинъ? Онъ одержалъ побѣду надъ прусскимъ генераломъ Левальдомъ, но тайныя внушенія изъ Петербурга (какъ утверждаютъ, собственноручное письмо Екатерины, доставленное черезъ посредство Бестужева), побудили его поспѣшно оставить Пруссію и отступить въ Курляндію. Елизавета была крайне раздражена поступкомъ Апраксина. Онъ былъ смѣненъ немедленно, генералъ Ферморъ заступилъ его мѣсто. Арміи былъ отданъ приказъ возобновить немедленно военныя дѣйствія, не смотря на суровую зиму. Но этимъ дѣломъ не окончилось. Апраксинъ былъ арестованъ, въ его бумагахъ найдены были доказательства вины Екатерины и Бестужева. Тщетно старался отклонить отъ себя канцлеръ приближающуюся грозу, тщетно отрекался онъ отъ всякой солидарности съ Апраксинымъ. Судьба его была рѣшена. Въ февралѣ 1758 г. онъ былъ схваченъ и посаженъ подъ арестъ. Попытка Екатерины вступить съ нимъ въ переписку была открыта и ухудшила еще болѣе его положеніе. Все его имущество было конфисковано, самъ онъ былъ сосланъ на вѣчное житіе въ Сибирь.

Ссылка Бестужева поразила страхомъ Екатерину. Она такъ упала духомъ, что искала помощи и совѣта у французскаго посла, но Л'Опиталь, вѣрный своей пассивной роли, отклонилъ и на этотъ разъ всякое вмѣшательство. Тогда Екатерина избрала иной болѣе вѣрный путь спасенія. Она заперлась въ своихъ апартаментахъ и объявила о своемъ твердомъ намѣреніи возвра-

титься въ Германію. Елизавета испугалась, во что бы то ни стало, хотѣла она избѣжать скандала. Воронцовъ явился къ великой княжнѣ и именемъ царицы требовалъ безусловной покорности. Екатерина съ негодованіемъ отвергла это требованіе: она слишкомъ хорошо знала характеръ императрицы. Уже спустя нѣсколько дней Елизавета объявила ей свое полное и безусловное прощеніе.

Во Франціи радовались паденію Бестужева. „Событіе въ Россіи можетъ спасти отечество“, писалъ де-Берни. Елизавета блистательно доказала свою преданность дѣлу союза, она не пощадила для него даже своего перваго министра. Въ Парижѣ спѣшили воспользоваться такимъ настроеніемъ императрицы; самъ король извѣстилъ готовность вступить въ тайную корреспонденцію съ Елизаветой.

Переписка между Людовикомъ и Елизаветой организована была самымъ оригинальнымъ образомъ. Она была двойная: офиціальная и интимная, облеченная въ глубокую тайну. Четыре или пять разъ въ годъ французскій посолъ торжественно вручалъ императрицѣ собственноручныя письма короля. Письма были составлены по всѣмъ правиламъ этикета; въ началѣ прописывались всѣ титулы, затѣмъ слѣдовали увѣренія въ искренней дружбѣ. Совершенно такимъ же безсодержательнымъ характеромъ отличались и отвѣтныя посланія Елизаветы. Интимная переписка велась съ одной стороны Воронцовымъ, съ другой—секретаремъ Людовика, Терсье. Воронцовъ передавалъ письма, написанныя имъ самимъ, но выражавшія личные взгляды, чувства и желанія императрицы подъ величайшимъ секретомъ французскому агенту Шевалье д'Еону, а тотъ пересылалъ ихъ Терсье. Отвѣты Людовика составлялись Терсье и подписывались имъ, но король всякій разъ просматривалъ и поправлялъ ихъ. Никто изъ русскихъ, за исключеніемъ секретнаго секретаря императрицы, Алсуфьева, не былъ посвященъ въ тайны этой корреспонденціи.

Въ чемъ же заключалось содержаніе тайственныхъ посланій? Историкъ жестоко бы ошибся, если бы надѣялся найти въ нихъ важныя политическія разоблаченія. Оба корреспондента, въ особенности Людовикъ, видимо избѣгаютъ всякихъ чисто политическихъ вопросовъ, но съ охотою

распространяются о чисто частныхъ дѣлахъ. Такъ Елизавета рассказываетъ королю о своихъ болѣзняхъ, Людовикъ выражаетъ ей свое соболѣзнованіе и посылаетъ въ Петербургъ своего придворнаго врача, Пуасонье. Врачу этому не особенно повезло въ Россіи. Придворный медикъ Елизаветы, грекъ Кондонди, отказывался имѣть съ нимъ какія бы то ни было консультаціи, какъ съ человекомъ низкаго званія. Императрицѣ пришлось принимать Пуасонье чуть не въ тайнѣ. Въ другой разъ Елизавета просила короля прислать ей двухъ первыхъ парижскихъ актеровъ Лекена и m-ле Клеронъ, Людовикъ отклонилъ эту просьбу: онъ боялся раздражить парижскую публику, отнимая ея любимцевъ.

Но не въ однихъ этихъ мелочахъ, а и въ другихъ болѣе серьезныхъ дѣлахъ Елизавета не рѣдко получала отказы отъ короля. Такъ она просила или ежегодныхъ субсидій или одновременнаго подарка въ пять милліоновъ рублей, но король и его министры деликатно отклонили эту просьбу. Такъ она настоятельно выражала желаніе, чтобы король крестилъ вмѣстѣ съ нею новорожденнаго сына Екатерины, но Людовикъ нашелъ невозможнымъ удовлетворить и этой просьбѣ, ссылаясь на различіе религій.

И въ то самое время, какъ король не задумывался оскорблять личное достоинство императрицы, а Бролли велъ настоящую войну съ русскими въ Польшѣ, русская кровь продолжала литься потоками въ войнѣ, совершенно чуждой русскимъ интересамъ. Въ 1758 г. вся тяжесть войны пала на однихъ русскихъ. При Цорндорфѣ произошло одно изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій всей войны. „Ихъ легче убить, нежели побѣдить! воскликнулъ Фридрихъ, изумляясь стойкости русскихъ солдатъ. Обѣ стороны принесли себѣ побѣду, въ дѣйствительности перевѣсъ былъ на сторонѣ пруссаковъ. Русскіе потеряли 20,000 ч. и значительную часть артиллеріи; генералъ Ферморъ принужденъ былъ отступить обратно въ Польшу.

И не предвидѣлось конца этимъ страшнымъ жертвамъ. Дружба Елизаветы съ союзными дворами укрѣплялась все болѣе и болѣе; съ чисто женскою страстностью стремилась Елизавета къ своей завѣтной цѣли, истребленію короля прусскаго.

Проф. В. Надлеръ.